

Воскресенье, 4-го июля 1904 г. № 2540.

ЮЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

3

А. П. Чеховъ.

Какъ сейчасъ помню, это было 4 мая 1902 года.

Я жилъ тогда въ Ялтѣ въ гостинницѣ, тоже именуемой „Ялта“.

Въ той же гостинницѣ жилъ М. О. Меньшиковъ, съ которымъ, не смотря на его уже постоянное участіе въ „Новомъ Времени“, меня связывали, я не скажу прежнія чувства симпатіи, но тѣ еще не совсѣмъ порвавшіяся нити отношеній, которыя установились между нами и путемъ переписки, и путемъ встрѣчи со времени первыхъ его дебютовъ на столбцахъ гайдебуровской «Недѣли»...

Въ моемъ сознаніи еще звучали безусловно искреннія и полныя молодого, неподдѣльнаго и горячаго энтузіазма строки одной изъ первыхъ его статей «О талантѣ и честности».

По вечерамъ послѣ экскурсій въ горы мы встрѣчались въ номерѣ гостинницы, бесѣдовали на религиозно-философскія темы... На этихъ бесѣдахъ присутствовалъ гостившій тогда въ Ялтѣ студентъ петербургской духовной академіи. Ортодоксальныя пропитанныя традиціоннымъ духомъ академіи, хотя тоже безусловно искренніе отвѣты молодого академика на жизненные запросы, встрѣчали горячій полемическій пріемъ со стороны г. Меньшикова.

Въ номерѣ гостинницы было оживленно и интересно.

Г. Меньшиковъ былъ полонъ впечатлѣній не только отъ созерцанія южной природы, но и отъ встрѣчъ и бесѣдъ съ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, который находился тогда въ Корензѣ и только что пережилъ острый кризисъ своей болѣзни, и съ Чеховымъ.

Максима Горькаго въ это время уже не было на южномъ берегу.

За нѣсколько дней до нашего пріѣзда онъ уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ.

Въ бесѣдѣ съ г. Меньшиковымъ я выразилъ свое желаніе повидаться съ Чеховымъ. Вхвать къ знаменитому писателю, не освѣдомившись, расположенъ ли онъ принять меня, я считалъ неудобнымъ.

Г. Меньшиковъ на другой день сообщилъ мнѣ, что Чеховъ ждетъ меня.

Я взялъ экипажъ и поѣхалъ въ Верхнюю Аутку, гдѣ жилъ писатель.

Во дворѣ на скамейкѣ около своего дома, грѣясь на солнцѣ, сидѣлъ Чеховъ.

Увидѣвъ меня, онъ поднялся навстрѣчу и пригласилъ меня въ кабинетъ.

Изъ большого окна кабинета открывался превосходный чарующій видъ на Ялту, на море, на горы.

И первой моей невольной фразой было:

— Какой чудный видъ.

— Боже мой, какъ этотъ видъ мнѣ надобѣлъ,—отвѣтилъ Чеховъ.

— Вы не любите Крыма?

— Да, я не люблю его. Онъ всегда производитъ на меня впечатлѣніе чего то поддѣльнаго. Это слишкомъ большая яркость неба и красокъ. Все это—фольга. Все это излишне кричитъ. Я живу здѣсь по необходимости. Вы бывали въ сѣверныхъ губерніяхъ? Колоритъ неба тамъ симпатичнѣе. Въ природѣ нѣтъ этой пестроты. Чтобы понять Россію, оцѣнить ее, вникнуть въ ея сердце надо поѣхать туда. Я не понимаю, зачѣмъ люди рвутся сюда.

Потомъ разговоръ коснулся нѣкоторыхъ извѣстій изъ Одессы. Чехову сообщили одинъ слухъ, оказавшійся въ послѣдствіи невѣрнымъ и во всякомъ случаѣ раздутымъ. Я не могъ подтвердить ему вѣрность этого слуха, такъ какъ въ теченіе этихъ дней не имѣлъ писемъ изъ Одессы.

Разговоръ перешелъ къ Максиму Горькому и Бунину.

Чеховъ относился къ Горькому съ большой пріязнью и цѣнилъ высоко его литературный талантъ.

Но мнѣ показалось, что эти слова пріязни звучали въ его устахъ нѣсколько излишне корректно. Когда же онъ заговорилъ о Бунинѣ явилась теплота глубокой симпатіи.

Какъ извѣстно, Иванъ Бунинъ не пользуется столь выдающейся популярностью, почти не проникъ въ сердца молодежи, не овладѣлъ ими.

И это обстоятельство очень огорчило и даже удивляло Чехова.

Въ сущности, такая симпатія къ Бунину мнѣ стала понятна (помимо личныхъ отношеній, въ которыя я не имѣю права вмѣшиваться и которыхъ я даже и не знаю) сразу какъ я увидалъ Чехова и началъ съ нимъ говорить. Мнѣ кажется, что яркій, кричащій (хотя бы это и былъ крикъ большого крупнаго таланта) талантъ Максима Горькаго не привлекалъ къ себѣ Чехова въ силу тѣхъ же обстоятельствъ и вкусовъ, въ силу какихъ не привлекала къ себѣ его сердечныхъ симпатій эта южная природа.

Тамъ у Бунина острый колоритъ

неба и людей. Тамъ сѣверная природа. Тамъ люди проще. Тамъ нѣтъ цу

позировки.

И еще былъ одинъ пунктъ въ нашей бесѣдѣ, который окончательно убѣдилъ меня въ томъ, что все фейерверочное вовсе не въ натурѣ Чехова. Заговорили о провинціальной прессѣ. И говорили довольно долго. Конечно, коснулись и южныхъ, и въ частности одесскихъ газетъ.

Одесса—это Провансъ Россіи. Подъ яркимъ небомъ юга выросла одесская пресса. Въ Одессѣ люди живые, стремительные, чутки къ сенсаци. Здѣсь на югѣ большое стремленіе къ мечтѣ и фантазмамъ. Здѣсь болѣе умістны такіе тоны и характеры, какъ Тартаранъ. И одесская пресса, конечно, отраженіе всей этой южной жизни. Въ ней всегда есть что-то кричащее. Одесская пресса—дитя улицы и интересуется улицей. И это вліяніе улицы чувствуется на всѣхъ столбцахъ мѣстныхъ газетъ, въ особенности, въ яркости и въ нестрогости городской хроники, въ стремленіи дать интересную, хотя можетъ быть, и не совсѣмъ провѣренную замѣтку.

Чуткость къ мелкимъ фактамъ жизни—удивительная.

И вотъ эта то южная пресса и не пользовалась симпатіями Чехова.

Его болѣе привлекалъ серьезный и вдумчивый тонъ сѣверныхъ газетъ.

— Зачѣмъ эти стремленія къ сенсаци? Зачѣмъ эта шумиха громкихъ словъ? Все это такъ безцѣльно. Возьмите для примѣра прессу нашего сѣвера.

Отчего одесская пресса не разрабатываетъ областныхъ вопросовъ?

Зачѣмъ ей гнаться за крикомъ моды.

Пусть займется земствомъ. Надо быть проще. Нѣтъ ничего хуже ма-нерничанья. Идеаломъ провинціальной газеты я считаю „Сѣверный Край“. Меня ужасають эти пустыя замѣтки въ одесской хроникѣ, оповѣщающія о приѣздахъ и отъѣздахъ.

Потомъ бесѣда перешла къ болѣе интересному пункту, выясни-шему для меня отношенія Чехова къ событіямъ жизни.

Чеховъ въ этой части своей бесѣды выяснился для меня, какъ чело-вѣкъ, чрезвычайно интересующійся всѣми тѣми явленіями, которыя да-ють дѣйствительность.

Изъ этой бесѣды я вывелъ непре-ложное заключеніе, что преклонялся передъ гениемъ Льва Николаевича Толстого, онъ совершенно несогласенъ съ основнымъ принципомъ его ученія: непротивленія злу насиліемъ.

— Толстой — это, можетъ быть, высшая философія,—это величайшій альтруизмъ, но къ жизни—это не примѣнимо. Есть миллионы случаевъ когда на оскорбленія люди должны отвѣчать оскорбленіями, не могутъ ве отвѣтить. Борьба за святыя права личности должна быть вездѣ и безираственно, если бы ея не было.

— Но борьба—вѣдь это потоки крови,—отвѣтилъ я и отвѣтилъ не потому, что я былъ не согласенъ съ Чеховымъ, но какъ то инстинк-тивно, такъ какъ предо мною въ этотъ моментъ ясно обозначалась картина подобной борьбы.

— Но позвольте, гдѣ же не было этой крови? Возьмите всю исторію, развѣ вы не видите, что она вся за-лита кровью? Эти войны, эти дви-женія... И черезъ эту кровь чело-вѣчество идетъ къ лучшему. Есть въ этомъ фатальная необходимость. Во-юющія стороны не такъ то легко отдаютъ свои права.

При этомъ онъ закашлялся.

На эту тему мы говорили много. И это было интересно, потому что здѣсь чувствовалось, что если бы не болѣзнь Чехова, можетъ быть, не было бы въ его произведеніяхъ это-го удручающаго впечатлѣнія настро-енія тоски и безнадежности.

Просвѣты, которые давалъ Чеховъ въ своихъ рассказахъ и пьесахъ въ даль грядущихъ временъ, были такъ одиноки и такъ малы, что не дава-ли возможности судить о настоящей его вѣрѣ.

Физическій недугъ такъ всецѣль-но властвовалъ надъ нимъ, въ осо-бенности, въ послѣдніе годы, что не могъ не отразиться болѣзненно и на его творчествѣ.

Конечно, я думаю, что даже если бы онъ былъ совершенно здоровъ, онъ не годился бы для роли актив-наго борца...

Но все-жъ таки то, что онъ гово-рилъ въ этотъ день, было высоко-знаменательно слышать изъ его усть...

Чувствовался полнѣйшій кон-трастъ между его героями, даже столь возвышенно мечтающими, какъ, напр., Вершининъ въ „Трехъ сестрахъ“ и этой его рѣчью, полной глубокой убѣжденности и вѣры и стремленія на подвигъ.

Это было такое же ощущеніе, ка-кое я могъ пережить, говоря съ ка-кимъ либо выдающимся политиче-скимъ трибуномъ.

— Если кому либо кланяться въ ноги,—говорилъ онъ,—и умильно просить его о чемъ либо,—изъ это-го ничего не выйдетъ. И только твой поклонъ пропадетъ даромъ, и краска стыда зальетъ твое лицо. Надо не просить, а требовать.

И послѣ этихъ словъ,—я не знаю, можетъ быть, прорвавшихся у него не какъ глубокоубѣжденная мысль, но тоже какъ настроеніе (вѣдь я съ нимъ бесѣдовалъ единственный разъ въ своей жизни),—я почувствовалъ, что не зналъ до сихъ поръ Чехова.

Этой вѣры я не ожидалъ встрѣ-тить у него.

Даже какъ случайность, это было любопытно.

Люди, близко знавшіе его, могли бы повѣдать намъ объ этомъ инте-ресныхъ вещи.

Конечно, я самъ сознаю, что не-въ этомъ, не въ этой случайно раз-вернувшейся предо мною сторонѣ Чехова—его значеніе въ литера-турѣ.

Но если это даже была только деталь—я не могу ея не отмѣтить.

Я пробылъ у Чехова болѣе двухъ часовъ, пролетѣвшихъ какъ одна минута, бесѣдуя съ этимъ высокон-тереснымъ и высокointеллигентнымъ чело-вѣкомъ, разговоръ касался все-возможныхъ вопросовъ изъ различ-ныхъ областей нашей жизни. Мы го-ворили и о литературѣ, и о полити-кѣ, и о философіи, и о значеніи этики въ человѣческихъ отношені-яхъ, и о половой морали, и объ ис-кусствѣ...

И опять переходили къ главному пункту бесѣды.

Онъ гипнотизировалъ этотъ пунктъ своей важностью.

Но Чеховъ такъ убѣдительно—рѣзко и непреклонно говорилъ о томъ, что счастье для человѣчества и міровой гармонія для людей можетъ наступить только послѣ *противленія* злу зломъ, въ этомъ сквозила такая почти фанатическая увѣренность, которая могла бы заставить даже совершенно отрицающаго кровавую борьбу увѣровать въ слова писателя.

Лозингринъ.